

УДК 94(37)

АНТИЕГИПЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА ОКТАВИАНА АВГУСТА В РИМСКОЙ ПОЭЗИИ: ОБРАЗ КЛЕОПАТРЫ КАК ВРАГА РИМА

© 2014 г.

М.С. Чисталев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

marcus7@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2013

Рассматривается образ Египта и царицы Клеопатры в римской поэзии конца 30-х гг. до н.э. Отмечается, что поэзия эпохи Августа не была, в сущности, направлена на очернение образа Египта, но основой политической тактики Октавиана являлось преобразование в умах общественности де факто гражданской войны против Марка Антония и его сторонников в *bellum externum* против Клеопатры, царицы Египта. Автор приходит к выводу, что вовлечение образа Египта в римскую поэзию способствовало формированию целого ряда негативных штампов в отношении Клеопатры, которые сохранились на многие столетия вперед и оказали свое влияние на восприятие Египта и египетской культуры в целом.

Ключевые слова: Древний Рим, Октавиан Август, Клеопатра, эллинистический Египет, восприятие иноземной культуры.

Несмотря на то что слово «пропаганда» имеет латинский корень (*propago*), в Древнем Риме, да и в период античности в целом, не было специальных терминов для характеристики идеологического воздействия на общественное мнение [1, с. 3]. Тем не менее детальный анализ внутривнутриполитической борьбы в течение последних лет существования Республики позволяет сделать вывод о наличии такого общественного явления, которое в наши дни обозначается как «политическая пропаганда» и, в свою очередь, подразумевает популяризацию и распространение политических идей в обществе посредством устной речи, письменных материалов, визуальных и иных средств воздействия с целью формирования у населения определенного политического мировоззрения [2, с. 721].

Вопросы политической пропаганды конца 30-х гг. до н.э. хорошо изучены в историографии гражданских войн в Риме, однако в контексте темы данного исследования важно рассмотреть одно из направлений этой пропаганды, которому в меньшей степени уделялось внимание со стороны историков. Западными исследователями темы воздействия на общественное мнение в Риме этого периода – Кеннетом Скоттом [3], Уильямом Тарном и Мартином Чарлзвортом [4] – был изучен большой объем материала по пропаганде как со стороны Октавиана, так и со стороны Антония, но никто из них не рассматривал тему Египта как основную, хотя именно египетская тематика стала «козырной

картой» в руках Октавиана в его борьбе с Марком Антонием.

Еще в период республики можно обнаружить политические мотивы в римской литературе, но начиная со времен второго триумвиата (и особенно в период становления Принципата) римская поэзия стала использоваться как средство политической пропаганды. Кроме того, именно на правление Октавиана Августа пришелся расцвет творчества великих римских поэтов – Горация, Вергилия, Овидия, Проперция. Как отметил Я.Ю. Межеричкий, они «приветствовали власть Августа, так или иначе выступив глашатаями идеологии нового режима» [5, с. 326]. Лояльность поэтов Октавиану в историографии часто объяснялась их «меркантильными интересами» и страхом перед наказанием за публичное осуждение действий правителя, при этом исследователями акцентировалось внимание и на покровительстве, которое оказывал Меценат, привлекая на сторону власти выдающихся писателей и поэтов. Тем не менее нельзя считать поэзию эпохи Августа исключительно придворной, равно как было бы неверным утверждать, что главным ее содержанием являлось восхваление Октавиана по его собственному приказу. Творчество римских поэтов «Золотого века» более многообразно и касается различных сторон человеческой жизни. Однако принцепс и его окружение стремились обратить внимание на гражданские мотивы, и поэты охотно пропагандировали идеи, оправдывающие его деятельность [6, с. 581]. Таким образом,

несмотря на то, что в творчестве Горация, Вергилия и Проперция мы найдем немало политизированных высказываний, у нас нет оснований сомневаться в искренности многих произведений, созданных в эту эпоху.

В источниках периода гражданских войн в Риме можно столкнуться с взаимными обвинениями, манифестами, памфлетами, пасквилями, действиями тайных эмиссаров с обеих сторон и с пропагандой, с помощью которой Октавиан и Антоний пытались завоевать поддержку общества и войск [7, р. 14].

Стремление Октавиана к политическому господству и, как следствие, желание привлечь на свою сторону общественное мнение привели к активной пропагандистской деятельности, которую можно разделить на несколько этапов [3, р. 8]:

1) Период соперничества между Октавианом и Антонием, который продлился с мая 44 г. до н.э. до формирования Второго Триумvirата в ноябре 43 г. до н.э.;

2) Период Перузинской войны 41–40 гг. до н.э. с взаимными подозрениями между Антонием и Октавианом;

3) Война против Секста Помпея 38–36 гг. до н.э.;

4) Финальное противостояние между двумя оставшимися триумвирами (после смещения Лепида в 36 г. до н.э.) вплоть до взятия Александрии в августе 30 г. до н.э.

Именно последний этап представляет наибольший интерес в контексте данной работы, т.к. в этот период происходит активное вовлечение образа Египта в пропаганду против Антония. Поэзия эпохи Августа не была, в сущности, направлена на очернение образа Египта, но основой политической тактики Октавиана являлось преобразование в умах общественности де факто гражданской войны против Марка Антония и его сторонников в *bellum externum* против Клеопатры, царицы Египта [8, S. 249], которая изображалась как демоническая женщина, завлекшая в свои сети и погубившая благородного, но чрезмерно увлекающегося римского полководца [9, с. 274]. Вовлечение образа Египта в римскую поэзию способствовало формированию целого ряда негативных штампов в отношении Клеопатры (кровосмешение, использование наркотических средств, поклонение животным, страсть к безмерной роскоши), которые сохранились на многие столетия вперед и оказали свое влияние на восприятие Египта и египетской культуры в целом. Как верно отметил Уильям Тарн, против Клеопатры «была инициирована одна из самых масштабных

вспышек ненависти в истории; любое даже самое низкое обвинение использовалось против нее, отзываясь эхом в мировой истории, часто становясь неоспоримым фактом» [4, р. 122].

С 36 по 32 г. до н.э., несмотря на мир между Антонием и Октавианом, каждый из них готовил силы к решающему сражению за господство в римском мире. Одно из важнейших мест в этой подготовке занимала пропаганда. Перед Антонием первоочередной задачей было заручиться поддержкой Востока, для Октавиана крайне важна была поддержка Запада. Однако попытки Антония заслужить симпатию в Египте приводили к тому, что эти действия трактовались против него сторонниками Октавиана, что, несомненно, негативно сказывалось и на образе самого Египта и египтян (Plut. Ant. 29. 1–2).

Пропаганда, проводимая Октавианом, оказалась более эффективной, т.к. он использовал сразу два предубеждения в отношении Египта, которые были популярны в римском обществе: 1) восточное влияние может испортить даже лучшего из мужчин, и 2) влиятельная и коварная египетская царица является угрозой для Рима. Поведение Антония в Александрии, его чрезмерное пьянство в компании Клеопатры и их друзей, которые называли себя «Союзом неподражаемых», являлось подтверждением первого предубеждения (Plut. Ant. 28. 2.), в то время как успехи Клеопатры в восстановлении территорий, которые когда-то принадлежали Птолемеям, казалось, подтверждали второе. К Египту был присоединен Кипр (который был захвачен Римом в 58 г. до н.э. и был передан Цезарем Клеопатре в 47 г. до н.э.), часть Ливана, финикийское и киликийское побережья [10, р. 49]. И это при том, что они были частью римских владений и поэтому находились под юрисдикцией Сената. Союз между Марком Антонием, который, несмотря на свой распутный образ жизни, был популярен в войсках и мог рассчитывать на их лояльность, и честолюбивой Клеопатры, которая отдала ресурсы своей страны в распоряжение Антония, был воспринят в Риме как реальная и очень значительная опасность. О страхе римлян перед Клеопатрой писал Проперций: *femineas timuit... minas* (Eleg. III. 11. 58).

В своем желании подчеркнуть масштаб опасности, угрожавшей Риму, поэты, приближенные к Октавиану, часто старались создать образ Клеопатры как исконно египетской царицы, не упоминая о ее греческом происхождении. Клеопатра олицетворяла собой Египет [11, р. 206], и, разумеется, все негативные послылы в

ее адрес сказывались и на отношение к Египту в целом. Поэтому, рассматривая вопросы использования египетских мотивов в политической пропаганде Октавиана Августа, мы не можем отделить тему отношения к образу царицы Клеопатры от восприятия Египта как восточного государства, одновременно непонятого и отталкивающего своими диковинными традициями.

Существенную перемену в восприятии Египта и египтян римской элитой принесла битва у мыса Акции в 31 г. до н.э. В нарастающей конфронтации между Марком Антонием и Октавианом каждый из них прилагал все усилия, чтобы завоевать поддержку Рима и повлиять на общественное мнение. Естественно, что во время этой пропагандистской войны тема Египта стала ключевой.

Первый отклик в литературе на победу Октавиана над флотом Антония и Клеопатры при м. Акции исходил от Горация. В девятом эподе, который он написал вскоре после сражения, он просит лучшего цекубского вина, которым хочет отпраздновать победу вместе с Меценатом (Ерод. 9. 3). Несмотря на победу, настроение эподы кажется мрачным [12, р. 243]. В действительности враг был побежден, но не уничтожен: где он еще мог себя проявить, было неизвестно, поэтому Октавиан испытывал определенное чувство беспокойства и страха. Имя Клеопатры не упоминается ни разу, однако Гораций указывает, что Антоний приказал своим легионерам охранять ее дворец и выполнять все ее приказы и пожелания (Ерод. 9. 10). Патриотически настроенный Гораций, по сути, высказывает возмущение, когда пишет о деградации римских легионеров, поставленных для обслуживания развратной восточной царицы, которая оболестила и нравственно развратила великого римского полководца. Мы видим здесь самый ранний пример отражения в поэзии наиболее эффективного аргумента в пропаганде Октавиана: Клеопатра – развратная царица, которая не остановится ни перед чем в достижении власти.

Окончательное поражение Марка Антония и Клеопатры в августе 30 г. до н.э. меняет страх на ликование. Настроение в Риме того времени наиболее ярко отражает ода Горация, в которой он обращается к событию, описанному ранее в девятом эподе, но уже после смерти Антония и Клеопатры (Od. I. 37). Первая часть стихотворения представляет собой обличительную речь, в которой «безумная» (*dementis*) Клеопатра, желавшая разрушить Капитолий, сталкивается с суровой реальностью и поражением: она поте-

ряла почти весь свой флот и вынуждена бежать¹, преследуемая Октавианом. Гораций смело искажает факты: корабли Клеопатры смогли покинуть место сражения в относительной целостности, в отличие от судов Антония, принявших на себя основную часть удара. Октавиан не преследовал Клеопатру с целью захватить ее для собственного триумфа. Однако Гораций даже не упоминает Антония, все произведение сконцентрировано на Клеопатре, посмеившей угрожать Капитолию (Od. I. 37. 7). Своего апогея оскорбления царицы достигают в тот момент, когда Гораций называет ее *fatale monstrum* (Od. I. 37. 21) – роковым чудовищем, подчеркивая тем самым масштаб антипатии римской элиты к Клеопатре.

В то же время Клеопатра стремилась уйти из жизни благородно, а не шествовать в цепях в триумфальной процессии Октавиана по Риму, будучи лишенной царского статуса:

Чтобы всем телом впитать отраву:
Она решила твердо на смерть идти
Из страха, что царицей развенчанной
Ее позорно для триумфа
Гордого вражья умчит либуерна.
(Ног. Od. I. 37. 30–33. Пер. Г.Ф. Церетели)

Ее самообладание и смелость в решении покончить жизнь самоубийством вызывает восхищение у Горация. Таким образом, римский поэт увековечил величие египетской царицы в ее смерти, а вся ода, начавшаяся с чрезмерной гордости и хвастовства [13, р. 41], в итоге превратилась в дань подлинного восхищения [14, р. 93].

Преувеличения Горация в угоду Августу прослеживаются на протяжении всей оды (Od. I. 37). По мнению С. Коммагера, Гораций представляет сражение у м. Акции не как противостояние между Октавианом и Клеопатрой, а как противостояние между Востоком и Западом [15, р. 47]. Октавиан и Рим воплощают собой Западный мир, в то время как Антоний и Клеопатра – Восточный, причем под Востоком нужно понимать именно эллинистический мир [15, р. 47]. Особо символичным в этой связи выглядит тот факт, что само сражение проходило на границе между этими двумя мирами, которая проходит в Ионическом море. Преувеличивая угрозу, исходившую от Клеопатры, Гораций тем самым повышает значимость победы Октавиана. У. Александер характеризует Горация в этой связи как «переполняемого римским патриотизмом, вложенным в эту недружественную и мстительную оду» [16, р. 194].

Представления Вергилия о сражении при м. Акции отражено в описании украшения щита

Энея (Aen. VIII. 675–713), что, по мнению П. Цанкера, является образцовым примером представления иноземцев в поэзии, относящейся к эпохе Августа [17, S. 45]. Октавиан и Агриппа вместе с «римским народом, отцами, и великими богами, и пенатами» (cum patribus populoque, penatibus et magnis dis. Aen. VIII. 679. Пер. С. Ошерова) противостоят Антонию и войскам с Востока, из Египта и далекой Бактрии. В то время как Клеопатра подает знак своему войску с помощью систра, «чудища-боги идут и псоглавый Анубис с оружием» (omnigenumque deum monstra et latrator Anubis) против римских богов: Нептуна, Венеры и Минервы (Aen. VIII. 699. Пер. С. Ошерова). В этом отрывке Вергилия презрение римлян ко всем народам Востока, включая египтян, смешивается со стереотипным предубеждением в отношении Клеопатры как честолюбивой восточной царицы. Мы уже не находим того умеренного подхода, который мы видели в оде Горация, с уважительным отношением к мужеству Клеопатры перед лицом поражения и смерти. Очевидно, в тексте Вергилия прослеживается эхо пропаганды Октавиана, целью которого было очернение образа Клеопатры, но не Антония. Клеопатра предстает как «Новая Исида», поэтому она изображена с систром, как традиционно изображалась богиня Исида в древнем Египте [18, p. 148]. Клеопатра часто появлялась в священном одеянии Исиды, как, к примеру, это было в 34 г. до н.э. в Александрии, что очень сильно рассердило римлян (Plut. Ant. 54. 5–9). В тексте Вергилия отражена также и неприязнь римлян к божествам, в иконографии которых присутствуют изображения животных, например к шакалоголовому богу Анубису. Возможно, именно эта неприязнь и была одной из причин, по которой в римском обществе задолго до противостояния Октавиана и Марка Антония сформировалась устойчивая оппозиция к египетским культам, что мы подробно рассмотрим в следующей главе.

Отдельные эпизоды Энеиды Вергилия находят свое отражение в «Поэме об Актийской войне» неизвестного автора, дошедшей до нас в отрывках на папирусе из Геркуланума [19, p. 1657]. Один из отрывков поэмы касается Клеопатры как «основной причины войны и одного из лидеров противостояния», что соответствует позиции Октавиана: война была объявлена только Клеопатре и именно она играла главную роль в сражении при Акции. Безусловно, сам факт того, что женщина стояла во главе армии, римляне считали позорным.

Далее описывается взятие Александрии войсками Октавиана и особо подчеркивается, что

он прибыл с «некоторыми сенаторами», чтобы взять штурмом «стены града народа Александра» [19, p. 1661]. И снова можно найти свидетельства, указывающие на то, что война преподносится не как гражданское противостояние между римлянами, а как столкновение римлян с варварами [20, p. 52].

Похожие представления мы находим и у Проперция: для него Египет неразрывно связан с событиями гражданской войны (Eleg. IV. 6. 14–60). Проперций крайне негативно отзывался о празднестве в честь богини Исиды, поскольку его возлюбленная Цинтия должна была воздержаться от близких отношений с ним в течение десяти дней. Проперций называет Исиду saeva (жесточкой) и угрожает выгнать богиню и ее египетских последователей из города, в котором «Тибр никогда не жаловал Нильских жителей» (cum Tiberi Nilo gratia nulla fuit. – Eleg. II. 33a. 20). Самую большую вспышку негодования против Египта и Клеопатры мы находим в стихотворении, в котором Проперций отвечает на обвинения в том, что он сам поработен женщиной: он перечисляет примеры влиятельных женщин, которые подчинили себе мифических героев и даже Юпитера [21, p. 295]. В этом списке были восточные царицы и принцессы, и сюда же Проперций включил Клеопатру, которой он посвятил большую часть стихотворения (Eleg. III. 11).

Таким образом, характеристика Клеопатры представлена как кульминационный момент всей элегии, и именно она выбрана автором для наиболее яростных нападок [22, p. 108]. Проперций использует целый ряд утверждений, очерняющих образ Египта и Клеопатры: 1) она опозорила военную мощь Рима; 2) она имела близкую связь с рабами и требовала власти над Римом как «платы» за союз с Антонием; 3) Египет именуется лживым и запачканным кровью, т.к. именно там был убит Помпей; 4) непристойная царица, «позор, заклеянный (на Риме) кровью Филиппа»², посмела бросить вызов Риму (здесь же снова с Анубисом и систром Исиды, что, по всей видимости, говорит о заимствовании из Вергилия); 5) наглость Клеопатры была наказана, и ее «пьяный язык» должен признать, что с Октавианом у Рима нет причин бояться ее. Обвинение в чрезмерном пьянстве, возможно, восходит к Горацию, который утверждал, что ее ум «плавает в мареотийском вине» (mentemque lymphatam Mareotico. Od. I. 37. 14).

Безусловно, тон Проперция в данной элегии носит оскорбительный для Египта и Клеопатры характер, однако то презрение, с которым он

описывает Клеопатру, не мешая ему показывать недовольство и Римом. Он возмущен тем, что главный враг Рима – женщина [23, р. 198] (Eleg. III. 11. 30). Правление царицы автор связывает с двумя египетскими городами, которые ассоциировались у римлян с обманом, предательством и кровопролитием: Александрией и Мемфисом [24, р. 1929] (Eleg. III. 11. 33–34). Называя Клеопатру царицей, Проперций тут же добавляет, что она правительница кровосмесительного Канопа (scilicet incesti meretrix regina Canopi), единственная имеющая дурную славу из династии Птолемеев, ведущей свое происхождение от прославленных Македонских царей (una Philippeo sanguine adusta nota. – Eleg. III. 11. 39–40). В процессе потока оскорблений в адрес Клеопатры и Египта, целью которого было вызвать чувство стыда за то, что Рим боится женщины, Проперций отходит от изначальной темы и углубляется в рассуждения о египетском городе Мемфисе, используя эту возможность для того, чтобы высказать свое мнение об убийстве Помпея. По его мнению, Египет «виновен» в преступлении – убийстве Помпея, но преступление Египта – позор Рима. Проперций акцентирует внимание на том, что с течением времени этот позор не будет забыт (Eleg. III. 11. 36). Однако, обращаясь к сюжету убийства римского полководца и указывая на очевидного виновника в лице Египта, автор оставляет нерешенным вопрос о первопричине данного преступления, тем самым предлагая читателям размышлять над тем, кто должен нести за это ответственность. По сути Проперций намекает на то, что истинная причина смерти Помпея в Египте – это гражданская война в Риме [25, р. 198], и тем самым отклоняется от основной линии элегии, чтобы перенести часть вины за смерть римского полководца на Рим. Данное отступление не мешает автору далее вернуться к вопросу конфронтации между Египтом и Римом (Eleg. III. 11. 39–46), где его риторика снова отражает негативный настрой в отношении Клеопатры и Египта [26, р. 242]. Кульминация повествования Проперция иллюстрирует столкновение национальных символов, богов, рек Нила и Тибра и, наконец, самих правителей (Eleg. III. 11. 47–50).

В целом в произведении Проперция мы не находим того восхищения победой над Клеопатрой и Египтом, как это было у Горация. Общее настроение его элегии говорит о том, что не в этом слава Рима, а у Октавиана есть множество других достижений, которыми он может гордиться. При этом его отношение к Египту однозначно негативное, причиной тому служит

в том числе необходимость логического противопоставления символов Египта и Рима: египетского бога Анубиса римскому Юпитеру, египетского систра римским трубам и т.д. Возможно, именно покровительство Мецената, приближенного к Октавиану и старавшегося направить деятельность римских авторов в сторону прославления Рима и Августа, предопределило «шовинистический» настрой элегии Проперция. Отсюда же происходит и его ярко выраженный патриотизм, схожий по своему эмоциональному накалу с чувствами Вергилия и Горация [27, р. 210]. Его ненависть к Египту усиливается, когда он затрагивает вопрос о смерти Помпея. Египет в этой связи у него приобретает эпитет «кровавый», ассоциирующийся с бессмысленной агрессией и кровопролитием. Но, несмотря на это, сам Проперций не пытается искать причину гибели римского полководца в исторической жестокости египтян и даже перекладывает часть ответственности за его гибель на Рим.

При этом мы не можем согласиться с мнением Роберта Гурвала, который указывает, что Проперций постепенно переходит от непреклонно негативного образа Клеопатры к большей сдержанности и беспристрастности [25, р. 202]. Очевидно, что это не более чем литературный прием, используемый Проперцием для описания умирающего врага Рима, а слова побежденной Клеопатры на смертном одре должны еще больше подчеркнуть значимость победы (Eleg. III. 11. 55–56).

К концу 30-х гг. I в. до н.э. неоспоримую победу в пропагандистской войне одержал Октавиан. Сражение у м. Акций стало апогеем противостояния и своего рода «крестовым походом» [28, р. 238] против Клеопатры. Со времени Ганнибала не было такого врага у Рима, который вызывал бы столько страха и ненависти, как Клеопатра [25, р. 30]. После смерти египетской царицы эксплуатация ее образа в качестве неотъемлемого элемента пропаганды Октавиана только усилилась [7, р. 14], поскольку победа над Клеопатрой, последней из династии Птолемеев, наследницей Александра Великого, придавала особую значимость достижениям Августа.

В целом, для римлян определяющим мотивом в действиях Клеопатры было желание завлечь в свои сети благородных римлян [29, с. 7]. Здесь уместно было бы вспомнить греческого трагика Эсхила, который более чем за четыре столетия до римских авторов с негативным подтекстом описывал египтян как похотливых людей, привлекая для этого целый ряд стереотипов (Supp. V. 741–742). Похожие образы сладо-

страстного правителя можно найти и у другого греческого трагика – Еврипида (Hel. 1230, 1622). Получается, что пропаганда Октавиана использовала давно устоявшийся в греческой литературе образ правителя Египта, который благодаря действиям Цезаря и Антония укрепился и в представлении римлян.

Успех пропаганды Октавиана был отчасти вызван тем, что общественное мнение тяготело к тому, чтобы обвинить египетскую царицу в развязывании гражданской войны в Риме, но и преувеличения римских авторов в какой-то степени отражали растущую ненависть римлян к Клеопатре. Однако принципиально важно определить, как пропаганда Октавиана отразилась на отношении к самому Египту и его культуре. Иными словами, насколько образ Клеопатры как царицы Египта, сформированный у римских авторов, соотносился с интересом к египетской культуре в римском обществе, и был ли он определяющим. Как нам представляется, ответ на этот вопрос можно получить, только комплексно рассмотрев все составляющие египетской культуры, с которыми римляне сталкивались за пределами Египта.

Разумеется, пропаганда Октавиана оказала влияние на формирование целого ряда стереотипов в отношении Египта и Клеопатры. При этом следует заметить, что чем позднее написано произведение, тем меньше в нем можно найти попыток автора быть беспристрастным и не преувеличивать созданные ранее пропагандистские постулаты. К примеру, историк IV в. н.э. Секст Аврелий Виктор вообще утверждал, что Клеопатра занималась проституцией, при этом мужчины платили своей жизнью за ночь с царицей (Vir. ill. 86. 2). Эти более поздние авторы отличались плохой информированностью о событиях и в своих описаниях исходили из стереотипных суждений предшественников и реалий своего времени.

Очевидно, Октавиан сыграл на «националистических» чувствах римлян [30, с. 154] и сумел представить свою борьбу за власть как столкновение Запада с Востоком, угрожавшим жизненным интересам Рима. Однако эллинизм (Восток) был уже обречен [31, с. 367], и Египет, являвшийся последним оплотом эллинистического мира, принял на себя удар «информационной войны», которую он, безусловно, проиграл.

Как итог, в пропаганде Октавиана мы можем констатировать желание очернить не столько сам Египет, сколько Египет как родину царицы Клеопатры, объявленной врагом римского государства. И именно с этой позиции нужно кон-

цептуально рассматривать образ Египта в пропагандистской литературе конца I в. до н.э.

Примечания

1. В. Тарн (Tarn W.W. The Battle of Actium // Journal of Roman Studies. 1931. Vol. 21. P. 196–198.) утверждает, что предполагаемое предательство Клеопатры было сфабриковано в угоду пропаганды Октавиана.

2. Под фразой «кровь Филиппа» подразумевается, что основатель Македонской династии в Египте Птолемей I сын Лага, был в действительности сыном Филиппа II Македонского.

Список литературы

1. Ахиев С.Н. Политическая пропаганда времени Второй гражданской войны в Риме, 49–30 гг. до н.э.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2001. 292 с.
2. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
3. Scott K. The Political Propaganda of 44–30 BC // Memoirs of the American Academy in Rome. 1933. Vol. 11. P. 7–49.
4. Charlesworth M.P., Tarn W.W. Octavian, Antony and Cleopatra. Cambridge: Cambridge University press, 1965. 171 p.
5. Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М. – Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. 442 с.
6. Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 688 с.
7. Broadbent V. Augustus, Egypt, and Propaganda. Waterloo: University of Waterloo, 2012. 85 p.
8. Wallman P. Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43–30 v. Chr.). Frankfurt: P. Lang, 1989. 364 S.
9. Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Победенные. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 316 с.
10. Abdullatif A. Aly. Cleopatra and Caesar at Alexandria and Rome // Roma e l'Egitto nell'antichita classica / Ed. G.P. Carratelli. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1992. P. 47–60.
11. Tyldesley J.A. Cleopatra: Last Queen of Egypt. L.: Profile Books Ltd., 1998. 320 p.
12. Paladini M.L. A Proposito della Tradizione Poetica Sulla Battaglia di Azio // Latomus. 1958. Vol. 17. P. 240–269.
13. Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // Journal of comparative poetics. 2004. Vol. 24. P. 34–67.
14. Commager S. The odes of Horace. A critical study. Norman: University of Oklahoma Press, 1995. 365 p.
15. Commager S. Horace, Carmina 1.37 // The Phoenix. 1958. Vol. 12. № 2. P. 47–57.

16. Alexander W.H. *Horace's Odes and Carmen Saeculare* // University of California Publications in Classical Philology. 1947. Vol. 13. № 7. P. 172–239.
17. Zanker P. *Augustus und die Macht der Bilder*. B.: C.H. Beck, 1987. 368 S.
18. Wilkinson R.H. *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. L.: Thames & Hudson, 2003. 256 p.
19. Benario H.W. 'Carmen de Bello Actiaco' and Early Imperial Epic // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 30.2. B. – N. Y., 1983. P. 1656–1662.
20. Capasso M. *L'Egitto nei Papiri Ercolanesi: il Carmen de Bello actiaco e il de signis di Filodemo* // *L'Egitto in Italia dall'Antichità al Medioevo* / Ed. N. Bonacasa, M.C. Naro, E.C. Portale, A. Tullio. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche, 1998. P. 51–64.
21. Pelling C. Anything truth can do, we can do better: the Cleopatra legend // *Cleopatra of Egypt: from history to myth* / Ed. P. Higgs, S. Walker. L.: British Museum Press, 2001. P. 292–301.
22. Hubbard M. *Propertius*. L.: Duckworth Publishers, 2001. 190 p.
23. Fantham E. *The Image of Woman in Propertius' Poetry* // *Brill's Companion to Propertius* / Ed. H.-C. Gunther. Leiden: Brill, 2006. P. 183–199.
24. Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 17.4. B. – N. Y., 1984. P. 1852–2000.
25. Gurval R.A. *Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War*. Chicago: University of Michigan Press, 1998. 270 p.
26. Stahl H.P. *Propertius: love and war. Individual and state under Augustus*. Berkeley: University of California press, 1985. 430 p.
27. Maehler H. *Roman Poets on Egypt* // *Ancient Perspective on Egypt* / Ed. R. Matthews, C. Roemer. L.: UCL, 2003. P. 203–216.
28. Huzar E. *Mark Antony: A Biography*. Minneapolis: University Of Minnesota Press, 1978. 360 p.
29. Грант М. Клеопатра. Последняя из Птолемеев. М.: Центрполиграф, 2004. 349 с.
30. Борухович В.Г. После мартовских ид 44 г. до н.э. // *Античный мир и археология*. 1983. Вып. 5. С. 123–154.
31. Мартынов А.С. Проримская ориентация и имперские проекты Клеопатры VII // *Історичні і політологічні дослідження*. 2007. № 3–4. С. 362–367.

OCTAVIAN'S POLITICAL PROPAGANDA IN ROMAN POETRY: THE IMAGE OF CLEOPATRA AS AN ENEMY OF ROME

M.S. Chistalev

This paper considers the image of Egypt and Queen Cleopatra in Roman poetry in the late 30s BC. It is noted that the poetry of the Augustan age was not, in fact, aimed at maligning the image of Egypt, but the basis of Octavian's political strategy was to present in the public's mind the de facto civil war against Mark Antony and his supporters not as a conflict between Romans, but as a war against a foreign enemy – Cleopatra, queen of Egypt. The author comes to the conclusion that the involvement of the image of Egypt in Roman poetry contributed to the formation of a number of negative clichés in respect of Cleopatra, which had an impact on the late perception of Egypt and the Egyptian culture.

Keywords: Ancient Rome, Octavian Augustus, Cleopatra, Hellenistic Egypt, appreciation of the alien culture.

References

- Ahiev S.N. *Politicheskaja propaganda vremeni Vtoroj grazhdanskoj vojny v Rime*, 49–30 gg. do n.je.: Dis. kand. ist. nauk: 07.00.03. Saratov, 2001. 292 s.
- Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. 1072 s.
- Scott K. *The Political Propaganda of 44–30 BC* // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1933. Vol. 11. P. 7–49.
- Charlesworth M.P., Tarn W.W. *Octavian, Antony and Cleopatra*. Cambridge: Cambridge University press, 1965. 171 p.
- Mezherickij Ja.Ju. «Respublikanskaja monarhi-ja»: metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta. M. – Kaluga: Izd-vo KGPU, 1994. 442 s.
- Mashkin N.A. *Principat Avgusta. Proishozhdenie i social'naja sushhnost'*. M. – L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 688 s.
- Broadbent V. *Augustus, Egypt, and Propaganda*. Waterloo: University of Waterloo, 2012. 85 p.
- Wallman P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43–30 v. Chr.)*. Frankfurt: P. Lang, 1989. 364 S.
- Cirkin Ju.B. *Grazhdanskije vojny v Rime. Pobezhdennye*. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 316 s.
- Abdullatif A. Aly. *Cleopatra and Caesar at Alexandria and Rome* // *Roma e l'Egitto nell'antichita classica* / Ed. G.P. Carratelli. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1992. P. 47–60.
- Tyldesley J.A. *Cleopatra: Last Queen of Egypt*. L.: Profile Books Ltd., 1998. 320 p.
- Paladini M.L. *A Proposito della Tradizione Poetica Sulla Battaglia di Azio* // *Latomus*. 1958. Vol. 17. P. 240–269.

13. Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // *Journal of comparative poetics*. 2004. Vol. 24. P. 34–67.
14. Commager S. The odes of Horace. A critical study. Norman: University of Oklahoma Press, 1995. 365 p.
15. Commager S. Horace, Carmina 1.37 // *The Phoenix*. 1958. Vol. 12. № 2. P. 47–57.
16. Alexander W.H. Horace's Odes and Carmen Saeculare // *University of California Publications in Classical Philology*. 1947. Vol. 13. № 7. P. 172–239.
17. Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. B.: C.H. Beck, 1987. 368 S.
18. Wilkinson R.H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. L.: Thames & Hudson, 2003. 256 p.
19. Benario H.W. 'Carmen de Bello Actiaco' and Early Imperial Epic // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 30.2. B. – N. Y., 1983. P. 1656–1662.
20. Capasso M. L'Egitto nei Papiri Ercolanesi: il Carmen de Bello actiaco e il de signis di Filodemo // *L'Egitto in Italia dall'Antichità al Medioevo* / Ed. N. Bonacasa, M.C. Naro, E.C. Portale, A. Tullio. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche, 1998. P. 51–64.
21. Pelling C. Anything truth can do, we can do better: the Cleopatra legend // *Cleopatra of Egypt: from history to myth* / Ed. P. Higgs, S. Walker. L.: British Museum Press, 2001. P. 292–301.
22. Hubbard M. Propertius. L.: Duckworth Publishers, 2001. 190 p.
23. Fantham E. The Image of Woman in Propertius' Poetry // *Brill's Companion to Propertius* / Ed. H.-C. Gunther. Leiden: Brill, 2006. P. 183–199.
24. Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 17.4. B. – N. Y., 1984. P. 1852–2000.
25. Gurval R.A. Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War. Chicago: University of Michigan Press, 1998. 270 p.
26. Stahl H.P. Propertius: love and war. Individual and state under Augustus. Berkeley: University of California press, 1985. 430 p.
27. Maehler H. Roman Poets on Egypt // *Ancient Perspective on Egypt* / Ed. R. Matthews, C. Roemer. L.: UCL, 2003. P. 203–216.
28. Huzar E. Mark Antony: A Biography. Minneapolis: University Of Minnesota Press, 1978. 360 p.
29. Grant M. Kleopatra. Poslednjaja iz Ptolemeev. M.: Centrpoligraf, 2004. 349 s.
30. Boruhovich V.G. Posle martovskih id 44 g. do n.je. // *Antichnyj mir i arheologija*. 1983. Vyp. 5. S. 123–154.
31. Martynov A.S. Prorimskaja orientacija i imperskie proekty Kleopatry VII // *Istorichni i politologichni doslidzhennja*. 2007. № 3–4. S. 362–367.